

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ИГРЫ СЛОВ В РАБОТАХ УЧЕНЫХ И ПЕРЕВОДЧИКОВ

Крисальная Л.В., Тихонова Е.В.
Научный руководитель – доцент Тихонова Е.В.

Сибирский федеральный университет

«Приключения Алисы в стране чудес» английского писателя Льюиса Кэрролла представляют собой очень сложную своеобразную фантастическую повесть.

Многие персонажи и эпизоды книг, многие забавные реплики и ситуации не случайны, а глубоко мотивированы: они целиком построены на игре слов, на оживлении метафор, на буквальном интерпретации компонентов, фразеологических сочетаниях и каламбурах.

Алиса Льюиса Кэрролла – это книга, в которой практически к каждому слову можно найти двойственный смысл, либо особый, не применявшийся ранее подход.

В данной работе хотелось бы остановиться на ключевых моментах переведенных разными специалистами. Читая различные варианты, в первой же главе можно обнаружить различный подход к переводу отрывка:

"Do cats eat bats? Do bats eat cats?" and sometimes "Do bats eat cats?" for, you see, as she couldn't answer either question, it didn't much matter which way she put it".

Например, у Владимира Набокова мы видим:

«Кошки на крыше, летучие мыши... А потом слова путались, и выходило что-то несуразное: летучие кошки, мыши на крыше...»

Набоков постарался сохранить рифму переделать фразу так, чтобы ее можно было запутать во втором варианте, что не очень получилось в переводе Владимира Орла:

«Интересно, кошки едят летучих мышей?»

Алиса зевнула и, уже задремывая, все повторяла:

«Мышки едят летучих кошек?» Но это было совершенно все равно, потому что ни на тот, ни на другой вопрос у Алисы ответа не было».

Здесь мы видим практически дословный перевод, в отличие от Бориса Заходера, который представил это так:

« – Скушает кошка летучую мышку?

– Скушает кошка летучую мышка? А иногда у нее получалось:

– Скушает мышка летучую кошку? Или даже так:

– Скушает мышка летучую мошку?

Не все равно, о чем спрашивать, если ответа все равно не получишь, правда?»

В ключевой фразе отчетливо различается такой стилистический прием, как аллитерация, то есть повторение однородных согласных, придающее литературному тексту особую звуковую и интонационную выразительность.

В данном случае мы видим повторение шипящей «Ш», что создает несколько усыпляющий, успокаивающий эффект, необходимый по контексту, удивительно то, что его нет в самом оригинале, однако, в русской версии аллитерация «ш» более чем органична.

Вторая глава называется «The Pool of Tears», что Димурова и Орел перевели как «Море слез». Заходер, как «Глава, в которой Алиса купается в слезах», а Набоков, что интересно, не дал никакого названия. Он просто озаглавил ее «Продолжение»,

очевидно, считая, что вторая глава является лишь логическим продолжением, и не несет достаточной смысловой нагрузки, отдельно от первой главы.

Вторая глава начинается со слов Алисы:

"Curiouser and curiouser!" cried Alice (she was so much surprised that for the moment she quite forgot how to speak good English)".

Набоков дает такой вариант:

«Чем дальше, тем страньше!» – воскликнула Аня (она так оторопела, что на мгновение разучилась говорить правильно)».

Мы видим, что в оригинале Алиса неправильно употребляет сравнительную степень прилагательного. В. Набоков меняет местами слова в русской фразе, также используя сравнительную степень прилагательного «странно» – «страньше».

Демурова идет тем же путем:

«Все страньше и страньше! – вскричала Алиса. От изумления она совсем забыла, как нужно говорить.

Б.В. Заходер и В.Э. Орел совершенно изменили фразу в переводе, т.е. они совсем отошли от варианта неверного употребления степени прилагательного, например, Заходер написал:

«Ой, все чудесится и чудесится! – закричала Алиса (она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои)».

Это действительно очень свойственно детям. Они придумывают свои слова, наиболее ясно отражающие, как им кажется, их мысли, чувства, ощущения, об этом уже писал в своей книге «От двух до пяти» К. И Чуковский.

Подход Владимира Орла можно объяснить той же детской привычкой переделывать слова, но он по-своему самобытен:

«Необычайная история! Я расту!.. – воскликнула Алиса. От удивления она и думать забыла про производство грамматики».

На игре между несовпадением звука и смысла в слове, например, строятся многочисленные каламбуры, щедро рассыпанные в обеих сказках Кэрролла. Таков и знаменитый «длинный рассказ» Мыши, в котором обыгрывается смысловое несовпадение слов "tale" (рассказ) и "tail" (хвост), идентичных по звучанию. Приведем этот отрывок в оригинале.

"It's a long tail, certainly," said Alice looking down with wonder at the Mouse's tail, "but why do you call it sad? And she kept on puzzling about it while the Mouse was speaking? So that her idea of the tale was something like this..."

Можно передать этот отрывок по-русски следующим образом:

«– Это очень длинная и грустная история, начала Мышь со вздохом.

Помолчав, она вдруг взвизгнула:

– Прохвост!

– Про хвост? – повторила Алиса с недоумением взглянула на ее хвост. – Грустная история про хвост?

И пока Мышь говорила, Алиса никак не могла понять, какое это имеет отношение к мышьиному хвосту. Поэтому история, которую рассказала Мышь, выглядела так...»

Далее следовало знаменитое фигурное стихотворение, которому Кэрролл придал форму мышьиного хвоста.

Четвертая глава примечательна тем, что выражение "to dig for apples", которое буквально переводится «искать яблоки», в тоже время показывает, что в Стране чудес яблоки выкапывают из земли, как картошку. Фразу "Sure then I'm here! Digging for apples, your honour!" В. Орел перевел, сохранив абсурдность выражения:

«Туточки, хозяин! Редиску для компота рву».

Автор использует здесь свой излюбленный стилистический прием: он «оживляет» не имеющий самостоятельного значения компонент фразеологического сочетания (идиома) и превращает его в одно из персонажей повествования. В этом случае, как и во многих других, перевод Набокова выделяется из общепринятой тенденции.

Действительно, сейчас, похоже, все знают, что Чеширский Кот – это персонаж сказки Льюиса Кэрролла "Алиса в Стране чудес", который всегда улыбается и может исчезать. Однако, Владимир Набоков исходил из того, что русскоязычный ребенок может не понять, почему именно Чеширский, а тем более, почему он улыбается.

Поэтому у него мы видим следующее:

«Это Масленичный Кот... Не всегда коту масленица, – ответила Герцогиня – Моему же коту – всегда. Вот он и ухмыляется».

Далее следует не менее интересный текст, с использованием игры слов:

"If everybody minded their own business," said the Duchess in a hoarse growl, "the world would go round a deal faster than it does,"

"Which would not be an advantage," said Alice, who felt very glad to get an opportunity of showing off a little of her knowledge.

"Just think what work would it make with the day and night! You see the earth takes 24 hours to turn round on its axis – "

"Talking of axes," said the Duchess, "chop off her head!" "If everybody minded their own business". Если бы каждый занимался своим делом... все на свете делалось бы гораздо быстрее (т.е. дела на свете шли бы лучше).

Реплика Алисы построена на игре слов. Она понимает все буквально и, по-детски тщеславная, пользуется случаем «применить» полученные ею в школе знания.

Игра слов, основанная на почти одинаковом произношении слов axis – земная ось и axes– множественное число от слова axe – топор. Однако слово axis, так хорошо знакомое ей по урокам географии, вызывает в Стране чудес совершенно неожиданные ассоциации.

Соответственно у В. Набокова видим:

«Если бы никто не совался в чужие дела, – сказала хриплым голосом Герцогиня, – земля бы вертелась куда скорее.

– Что не было бы преимуществом, – заметила Аня, воспользовавшись случаем, чтобы показать свои знания. – Подумайте только, как укоротился бы день. Земля, видите ли, берет 24 часа...

– В таком случае, – рявкнула Герцогиня, – отрубить ей голову».

У Орла:

«Не суй нос в чужой вопрос. А то из-за тебя земля вертится в два раза медленнее, чем положено.

– И ничего подобного! – ответила Алиса, довольная тем, что наконец-то может себя показать. – Земля за 24 часа оборачивается вокруг своей оси вследствие чего...

– Кстати, насчет следствия, – перебила ее Герцогиня и обратилась к Кухарке: – Отруби-ка ей голову. Без следствия».

У Бориса Заходера:

«-Если бы никто не совал носа в чужие дела, – проворчала Герцогиня, – мир завертелся бы куда быстрее, чем сейчас.

– Ну и что же тут хорошего? – с готовностью подхватила Алиса, обрадовавшись долгожданному случаю блеснуть своими познаниями. – Представляете, какая началась бы путаница? Никто бы не знал, когда день, когда ночь! Ведь тогда от вращения...

– Кстати, об отвращении! – сказала Герцогиня. – Из отвратительных девчонок делают отбивные котлеты!»

У Н. Демуровой:

«– Если бы кое-кто не совался в чужие дела, – хрипло проворчала Герцогиня, земля бы вертелась быстрее!

– Ничего хорошего из этого не вышло бы, – сказала Алиса, радуясь случаю показать свои знания. – Только представьте себе, что случилось бы с днем и ночью. Ведь земля совершает оборот за 24 часа...

– Оборот? – повторила Герцогиня задумчиво. И, повернувшись к Кухарке, прибавила:

– Возьми-ка ее в оборот! Для начала оттяпай ей голову!»

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание – это эпизод в зале суда:

"Here is one of the guinea pigs cheered, and was immediately suppressed by the officers of the court. (As that is rather a hard word? I will just explain to you how it was done. They had a large canvas bag, which tied up at the mouth with the strings: into this they slipped the guinea pig, head first, and then sat upon it.)"

Здесь мы видим игру слов, построенную на одновременной реализации двух значений выражения *to be suppressed*:

- пресекать, призывать к порядку (часто употребляемого в газетных отчетах о судебных процессах);
- подавлять (основное значение) которое автор расшифровывает со свойственной ему изобретательностью применительно к данной ситуации.

Теперь глагол *to suppress* становится понятным Алисе, так как он ассоциируется в ее сознании с хорошо знакомым ей словом *to press* – давить.

Н. Демурова и В. Набоков оставили в переводе слово «подавить», а Заходер обыграл слово «выдворить»:

"Тут какая-то морская свинка заплодировала и была немедленно выдворена судейскими чинами (Так как не все знают это слово, я вам расскажу, что оно значит. У них был большой брезентовый мешок. Они сунули туда свинку вниз головой, на веревке опустили мешок за окно, немного подергали веревку, и морская свинка весело выскочила во двор)».

Чем дальше от Англии, чем шире за пределы английского языка распространяется слава «Приключения Алисы», тем эта слава становится менее конкретной, менее сердечной, более холодной. Первая причина – переводы. Пусть объяснена или передана игра слов, однако улетучивается в переводе некая особая атмосфера. Получается, Алиса путешествует, но всему земному шару, а дух книги остается дома – в Англии. Вторая причина – пространство и время. Множество деталей ушедшего в прошлое быта. Конечно, их много во всяком произведении прошлого. Однако не всякое произведение классической литературы держится за эту ушедшую жизнь с такой силой как «Приключения Алисы», не всякое классическое произведение так глубоко как «Приключения Алисы», укоренено в ней. Корни эти можно вырвать только со смыслом всей книги. И, наконец, совершенно особая парадоксальная природа этой книги. Главный парадокс в судьбе «Алисы» заключается в том, что эта детская книга со временем привлекает все больше взрослых, а не детей. Книжки чаще переживают обратную судьбу: они из «взрослых» становятся детскими, слишком проясняясь и как бы исчерпывая свой смысл, составлявший некогда притягательную силу книги, некогда «взрослые», они с возрастом часто впадают в детство. Приключения, написанные Льюисом Кэрроллом, редкий и чуть ли не единственный случай значительного «взросления» книги.

Сам Кэрролла как-то заметил:

«Слова, как вы знаете, означают больше того, что мы имеем в виду, пользуясь ими, а потому целая книга означает, вероятно, гораздо больше того, что имел в виду писатель...»